

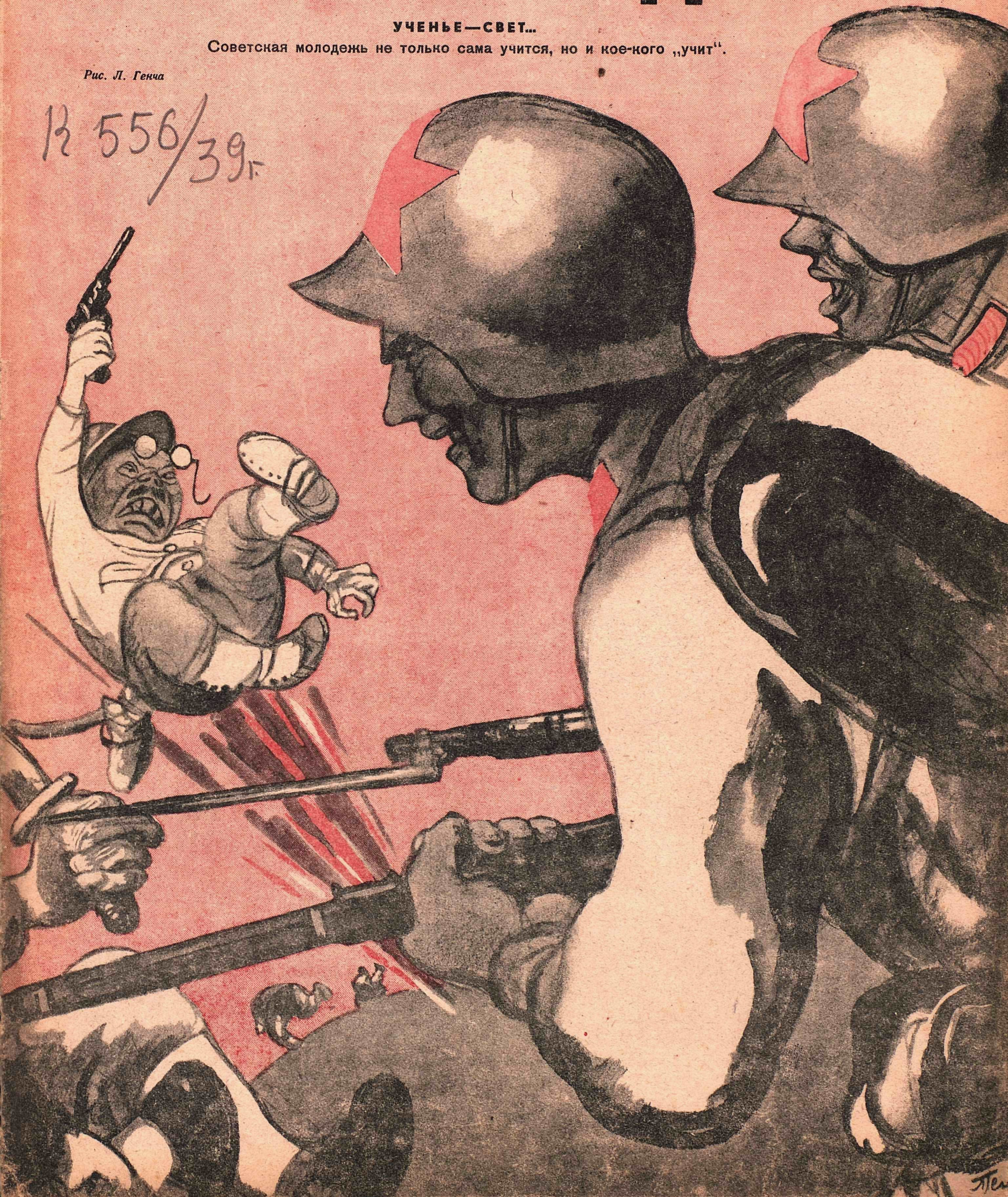
К Р О К О Д И Л

УЧЕНЫЕ—СВЕТ...

Советская молодежь не только сама учится, но и кое-кого „учит“.

Рис. Л. Генца

12 556/39г

Наша молодость

Смелей на жизнь гляди, не бойся.
Пойдешь на улиду, замети
Людей диковинное свойство —
Не стариться, а молодеть.

Заметь, что это не причуда,
Когда в плывущих чередой
Шеренгах праздничного МЮД'а
Увидишь дядю с бородой.

Он с бодрым шагом не в разладе,
Он песни юности поет,
Тот самый дядя, что в бригаде
От молодых не отстает.

Ни просто так с тобой не станет,
Ни в оправдание седин
Он рассуждать, что на Хасане
Его родной прославлен сын.

Старик — не скрытная натура.
И не пытается скрывать,
Что на просторах Буир-Нура
Он сам непрочь бы побывать.

Готов держать пари при этом,
Блестящая гордой сединой,
Что молодость в Стране советов —
Не только признак возрастной.

Сентябрь весенним солнцем светел.
У нас, пожалуй, не найдешь
Границ, которые отметят,
Где — старики, где — молодежь...
АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

Хорошая характеристика

ОДИН молодой человек приятной наружности, некто Ф., решил в этом году немножко встряхнуться. Он по собственному желанию ушел со службы, где работал в качестве счетовода. Взял дорожный мешок, пихнул туда смену белья и всякую мелкую чертовщинку, сел в поезд и поехал, куда глядели его глаза.

Он приехал в город Б. нашел там временное пристанище и в великолепном настроении стал там жить.

Пару недель он вообще решил отдыхать, наслаждаясь жизнью. А потом некоторое время собирался поработать. И к осени намерен был вернуться в свои родные пенаты.

Однако знакомство с одной молодой особой ударило его по карману. Лодка, кино и постоянное питье лимонаду расшатали его бюджет.

Он кое-что ликвидировал из своих вещичек и вскоре убедился, что пришло время приступить за работу, чтобы продолжать то, что начато.

Он заскочил в первое попавшееся учреждение. И там обрадовались, что он счетовод, но вместе с тем удивились, что он приехал заниматься из другого города.

Директор сказал:

— Все-таки как-то странно. Жили в одном городе, потом вдруг приехали в другой. И почему-то зашли именно к нам. Непонятно.

Наш путешественник стал объяснять психологические мотивы своего приезда. Но это объяснение заставило директора еще более насторожиться.

Бухгалтер этого учреждения некто Л-ов сказал директору:

— Иван Петрович, в облегчение людям введено правило брать от ворот. А мы устраним волокиту и перестраховку. Взгляните на документы приезжего. У него все в порядке. И только нет у него личной характеристики, каковую мы можем затребовать с места службы. Нам же до крайности нужны служащие: у нас некому проверить месячный отчет по пивным. Лично я пасую, если так будет продолжаться.

Директор сказал:

— Действительно, нам служащие нужны дозарезу. Один счетовод в отпуску, другой, свинья, отравился рыбой, третий — фугболист — целый день кикает, готовясь к сорев-

нованию. Тем не менее без личной характеристики я новенького не возьму.

Молодой человек сказал:

— В таком случае дело разрешается просто: вы берете меня на работу и тем временем запрашиваете мою характеристику. Вот как вам надо сделать.

Криво усмехаясь, директор сказал:

— А вдруг характеристика вовсе не придет. Или вдруг она придет такая, что, как говорится, унеси ты мое горе. Мы же вас решительно не знаем. А, может быть, вы сбежали от алиментов. Или, может быть, вы вовсе не счетовод, а бог знает, кто вы такой. Все это ляжет темным пятном на наше учреждение, репутацией которого мы привыкли дорожить больше чем вами и подобными вам. Вдобавок вы не в том союзе состоите. Дуйте в свой союз и там разводите турысы на колесах.

Через пару дней молодой человек снова явился в это учреждение и сказал:

— Хорошо. Я подожду. Затребуйте мою характеристику. Но если она придет нескоро, то имейте в виду — я вылезу в трубу.

В конце второй шестидневки, узнав, что характеристики еще нет, молодой путешественник решил уехать в родные свои места. Эта простая мысль обрадовала его и освятила. В самом деле. Чорта лысого он тут будет сидеть.

Он поскакал на рынок, чтоб продать свои приличные суконные брюки и на вырученные деньги приобрести билет.

Его штаны понравились одному гражданину. И тот согласился их купить и вдобавок дать свои обыкновенные парусиновые брюки.

Но покупатель не захотел осматривать покупку на владельце. Он пожелал проверить товар на свет: нет ли дыр и какова потеряемость.

Недолго думая, наш путешественник влез в пустой ларек, стоявший на краю рынка, и через минуту выкинул на прилавок свои брюки, с тем чтобы покупатель убедился в качестве товара.

Осмотрев брюки, покупатель рассердился. Он сказал, что за это решето он не даст и рубля.

И от озорства, а отчасти от гнева, что не оправданы его надежды, покупатель швырнул брюки на крышу ларька, в котором наш злосчастный путешественник сидел в одной голубенькой майке.

Полчаса и больше просидел Ф. в ларьке, не зная, что ему предпринять. Потом он стал скликать прохожих, прося, чтоб они ему подсобили.

Два подростка стали орудовать палкой. Но ларек был высокий. И снять брюки оказалось не так уж просто.

Пугаясь, что подростки свистнут его брюки, Ф., озираясь по сторонам, вылез из ларька и стал руководить операцией.

Между тем собралась толпа. Кто-то припер лестницу, и под радостные крики собравшихся брюки, наконец, были сняты и торжественно вручены владельцу.

И в тот счастливый момент, когда поданы были брюки, к толпе подошел бухгалтер Л-ов, который имел обыкновения прогуливаться по рынку в обеденный перерыв.

Узнав молодого человека, бухгалтер крикнул:

— Слушайте: только что пришла ваша характеристика, а вы тут на рынке околачиваетесь!

Узнав от бухгалтера, в чем дело, толпа зааплодировала путешественнику.

Дрожащими руками напялив брюки, Ф. вместе с бухгалтером поспешили в управление.

Директор, сияя, сказал:

— Характеристика больше чем хорошая. Наше учреждение можно поздравить с ценным приобретением. Приступайте.

Ф. хотел было в счет аванса взять некоторую сумму, чтоб продержаться до жалованья, но оказалось, что это нельзя, так как он тут еще не работал.

Тогда сердобольный бухгалтер дал ему две двадцатки из своих, сказав: «Можете отдать через месяц».

Когда деньги очутились в руках путешественника, он подумал:

«А, собственно говоря, зачем я буду сидеть и томиться в этом городе? Лучше я сейчас куплю билет и уеду. А бухгалтеру верну долг по почте».

Эта остроумная мысль пришла ему по вкусу. Он побрел на вокзал и в тот же день уехал на почтовом поезде.

Хорошая же характеристика так и осталась в учреждении.

М. ЗОЩЕНКО

— Замучился: день и ночь думаю, как бы получше оформить избирательный участок.
— Чего проще! Заасфальтируйте улицу, наладьте освещение, приведите в порядок сады и парки.

Наши знакомые (ТИПЫ МОЛОДЫХ АКТИВИСТОВ)

Деловой человек

Его ловите на ходу,
Его всегда куда-то тянет.
Он только крикнет: «Я приду.
Я горюплюсь. Оставьте. Занят!»
Он налетит, как метеор,
Вникая в дело без присеста,
И, здесь не сделав ничего,
Перебежит в другое место.
Так энергичен, деловит
Рассадник липовых заданий,
Он за день честно облетит
Десяток разных заседаний.
И вот, вертясь, как колесо,
От комитета до отдела,
Он успевает делать все,
Не успевая делать... дела.

Пугало

Его затертые штаны
До бесконечности измяты,
И на рубашке вдоль спины
Вясят тяжелые заплатки.
Он надевает, как мешок,
Пальто неведомого рода.
Как будто только что пришел
Из девятнадцатого года.
Он не какой-нибудь босаяк,
Не одержим нуждой хмурой,
Нет, он принципиальный враг
Того, что мы зовем культурой,
Хотя в хозяйстве применим,
Полезен в некотором роде,
Поскольку смело можно им
Пугать ворон на огороде.

Дитя природы

Поклонник солнца и лесов,
Он обожает волны, воздух,
Он агитировать готов
За полнокровный, умный отдых.
Он говорит собранно так:
— Что может быть нужней и проще,
Чем путешествие в горах,
Игра в футбол, прогулки в роще?
Он говорит часы подряд,
Он так упорен в этой теме!
Но вот... окончился доклад
И у него свободно время.
Когда вечерние пути
Обвеет сумрак и прохлада,
Он в тупике: куда пойти?
Пойти купаться? Иль не надо?
На стадион? А если дождь?
В кино? Картины надоели.
Знакомых дома не найдешь,
Уйти куда-нибудь успели.
Пойти на танцы? Нет, потом...
А что сейчас? Ответ нехитрый:
Герой идет за огурцом,
За колбасой и за пол-литром.

Ю. БЛАГОВ

Дядя и племянник

МОЛОДОЙ талантливый поэт Семен Блинные сидел у себя дома и сочинял подписи в стихах для агрономического плаката.

На плакате были изображены всевозможные вредители полей. Каждое вредное насекомое Семен Блинные должен был сразить едкой эпиграммой или крылатым двустишием.

Работа у Блинных не клеилась. Двустишия получались вялые и, как говорится, немобилизующие:

— «Клещ — это не вещь...» «Зададим потасовку полевой совке».

«Мне надо на них хорошенько рассердиться, — размышлял Семен, — тогда я их сразу как-ак долбану!»

Однако на плакате вредители полей выглядели очень мирно и казались симпатичными, безобидными мотыльками, кузнечиками и жуками. Рассердиться на них было трудно. В особенности на некую жужелицу, которая казалась просто красивой в своем блестящем зеленом панцирьке.

«Чорт меня дернул связаться с этой работенкой, — тоскливо подумал поэт, — того и гляди, скатишься в халтуру. Жужелица! Поди, придумай рифму на жужелицу. Мозги свихнешь. Может, лучше ее в прозе долбануть. Позвонить, что ли, в издательство?»

Блинные потянулся к телефону, но тут во входную дверь с лестницы кто-то забарабанил так громко и настойчиво, что красивая жужелица мгновенно выпорхнула из головы поэта.

Он вышел в переднюю и сам отворил дверь. В комнату ввалился пожилой мужчина, довольно тучный, с седой коротко остриженной головой и мало выразительным лицом, на котором могучим утесом выделялся толстый розоватый нос.

— Он! — сказал незнакомец. — Ей-богу, Сенька. Здорово, племяш, здорово! Это же я, твой дядя Ваня. Из Калуги. Не узнаешь?

Племянник и дядя расцеловались и обменялись обычными фразами, которые говорят друг другу люди, не видавшиеся десять лет. Потом дядя Ваня снял твердый, как бы жестяной макинтош из брезента и аккуратно повесил его на вешалку.

— Не сопрут? — озабоченно спросил он Блинные.

— Не беспокойтесь, дядя Ваня. В квартире, кроме меня и профессора Перепеловского, никто не живет.

— А кто он такой, этот твой профессор Перепеловский?

— Известный врач. Психиатр.

— Сумасшедших лечит?

— Ну да... Лечит, конечно, и сумасшедших.

Дядя Ваня быстро снял с вешалки свой страшный макинтош и сказал тихо:

— Знаешь, я его лучше к тебе в комнату отнесу. Такого второго не достать. Бог с ним, с твоим Перепеловским. Сегодня он сумасшедших лечит, а завтра морт-те что ему самому в голову забредет. От греха подальше... Сюда, что ли, к тебе?

— Я тебя, знаешь, как разыскал? — начал дядя Ваня, осмотрев с видимым неодобрением уютную комнату поэта. — Наш бухгалтер Кошелев как-то мне говорит: «Иван Семеныч, в центральных газетах печатает стихотворную продукцию жекто Семен Блинные. Хорошая, — говорит, — продукция. Это не ваш родственник?» «У меня, — отвечаю я ему, — есть племяш, Сеня Блинные, сын покойного брата Николая, только он всегда был тупой мальчик, неспособный, золотушный...»

— Позвольте, дядя Ваня, — слегка обиделся талантливый поэт, — по-моему, я не был таким уж... очень тупым мальчиком.

— Был, был, не спорь! И по русскому языку ты всегда отставал. Вот я и говорю Кошелеву: «В области, — говорю, — стихосложения вряд ли мой племяш мог преуспеть, однако надо проверить». Проверил — выходит, действительно, ты.

Дядя Ваня выразительно подмигнул племяннику, как бы говоря: не бойся, я тебя не выдам. И добавил:

— Как же ты это так... протерся?

От этого подмигивания молодому поэту стало неловко.

— Да уж так! — неопределенно ответил он, покраснев.

— Ловкач! — понимающе похвалил племянника дядя Ваня. — Молодец! Так и надо... Это что у тебя за плакат на столе? Батюшки, какие бабочки, букашки, козявки, мушки, таракашки!

— Да вот надо подписи в стихах сделать к этому плакату. Это, дядя Ваня, вредители полей. Вот эта красивая зелененькая — жужелица, чтоб ей пропасть! Она сады жрет и вообще... стерва!

— Настругал уже свои подписи-то?

— Нет еще. Не получается у меня!

— Понимаю! Силенок «не хватат»? Ничего, я тебе помогу. Эта зеленая, как, ты говоришь, называется? Жужелица? Вот ты, значит, и напиши, что, дескать, надо уничтожить эту самую жужелицу, поскольку она вредит.

— В стихах надо, дядя Ваня.

— Ты и пиши в стихах. Я тебе мысль даю.

— Знаете что, дядя Ваня, — совсем обиделся Семен Блинные. — Давайте я вам свои настоящие стихи прочитаю, а то вы, кажется, действительно думаете, что у меня силенок «не хватат»!

Поэт решительно снял с книжной полки томик своих стихов и стал читать. Читал он неважно, потому что его раздражала покровительственно ироническая улыбка на лице дяди Вани.

— Ничего! — сказал дядя Ваня, когда поэт кончил читать. — Ай да Сенька! Попотел, поди, пока написал, а?.. С Пушкиным, однако, тебе не сравняться. Где вам! Как это у него: «Раз в крещенский вечерок деушки гадали».

— Это Жуковский, а не Пушкин.

— Все равно классик. Небось, тот же Жуковский не спасовал бы перед паршивой жужелицей, а сейчас бы чик-чик — и готово, получайте ваши подписи.

Дядя Ваня оживился, коснувшись, повидимому, любимой темы. Шеки его порозовели, почти сравнявшись по окраске с носом.

— Нахальства у вас, у молодежи, конечно, много, а силенок «не хватат»! Вот и у нас в Калуге, в сберегательной кассе, новый заведующий. Вчера еще чуть ли не в курьерах бегал. А сегодня — институт кончил. Позвольте, когда он это успел? Почему? На каком основании?

— Обо мне критики пишут, — хмуро сказал поэт, — находят у меня большой талант.

— Откуда у тебя талант, у золотушного?

— Ну, знаете ли, дядя Ваня... — начал Семен Блинные и, не кончив фразы, вскочил с кресла и стал ходить по комнате.

Наступило неловкое молчание.

Дядя Ваня решил переменить тему разговора.

— Сколько ты за этот шкафчик уплатил? — спросил он племянника, показывая на американский книжный шкаф.

Неожиданно для себя самого поэт назвал оглушительно неправдоподобную цифру. Ему вдруг остро захотелось смять и уничтожить дядю Ваню рассказом о своих фантастических доходах.

— А за эту лампу, — сладострастно сказал Семен Блинные, — я заплатил пятьсот рублей. А знаете, сколько я зарабатываю вообще?

Он сделал паузу и назвал цифру, в десять раз превышавшую его скромные барыши.

Дядя Ваня тихо ахнул.

— Мне пора, — сказал он дрожащим голосом человека, которого только что раздели донага в темном переулке и на прощанье ударили дубинкой по темени. — Я пойду. Господь с тобой! И с жужелицами твоими!

Уже в передней, прощаясь, он прибавил:

— Слушай, Сенька, переменяй бы ты фамилию, а? А то влопаешься еще с этими жужелицами своими, под суд угодишь. Тебе-то все равно, а мне — старому человеку — потом придется от тебя десять лет отмежевываться. Я ведь тоже Блинные. Назовись хоть Жуковским. Слышишь, Семен?

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Не жмите клаксона бесшумно, бессонно: клаксонны—не флейты, смилуйтесь, пожалейте!

С каждым рассветом,
еще спозаранку
бодро проснувшись,
красив и здоров
бравый водитель,
схватясь за баранку,
в воздух пускает
торжественный рев.
Ни пешехода,
ни пешеходки...
Улиц
еще безмятежен массив.
Но уж взывают
машинные глотки,
эхом
окрестности огласив.
Что за причудливые ноты!
Уши и нервы
на части рвут:
Точно
ревнущие бегемоты
бесятся, стонут,
рычат и режут.

Морщит чело мое
мрачная дума,
Как их утишить
и как их унять,
Что
против этого злостного шума
Можно придумать
и предпринять?
Окна задрать
и уши заватить?
Голову трижды
окутать в матрац?
Дернувшись,
тихо скатиться с кровати,
Чтобы тебя
этот шум не потреп?
Это безудержное
голосование
воли шоферской
как удержать?
В шкаф запереться?
Спрятаться в ванне?
Бросить квартиру
и в лес убежать?

Милые!
Как умолить вас смиренно,
не умолкающие
ни на миг:
ваше оружие —
ваша сирена...
Но вы же
не в городе глухонемых!
Разве дойдет до них
тихая строчка?
Рифмы ли шелестом
их укорю?
Ревом
ушная разодрана мочка,
о перепонках
уж не говорю!
Это не выдумки,
это не шутки,
не поэтическая ложь:
бодрого города
стройные сутки
рявкаем грубым
обруганы сплошь.

НИК. АСЕЕВ

По регламенту...

ТРИБУНА, словно катер у причала, стояла
возле длинного стола президиума. Вни-
зу, в зале, по запыленным рядам хо-
дила мелкая затихающая зыбь.

На трибуне прочно обосновывался доклад-
чик.

Он извлек из портфеля листки с concentra-
тиками доклада. Положил рядом карманные
часы. Хозяйственно переставил графин с во-
дой, слегка откинувшись назад и, приладившись,
кивнул головой председателю собрания, как
бы подавая знак: «Есть! Можно отчаливать,
отдавай концы!..»

— Сколько вам потребуется, Филипп Филип-
пович? — торопливо спросил председатель.

— Полтора часа!

— Товарищи, дадим докладчику, нашему,
так сказать, «хозяину города», тов. Толокон-
никову полтора часа? — с процессуальной об-
стоятельностью спросил председатель у собра-
нания. — Дадим? Очень хорошо. Теперь попро-
сим уважаемого докладчика уложиться в пре-
доставленное ему время. Уложитесь, Филипп
Филиппович?

— Уложусь! — отвечал предгорсовета, реши-
тельно берясь за борта трибуны.

Пошарив взором в записки, он громогласно
бросил в аудиторию:

— Товарищи, что мы имеем?..

Минут около тридцати понадобилось до-
кладчику для того, чтобы дать хотя бы лег-
кий обзор всех международных ситуаций. Да-
лее, оттолкнувшись от дел зарубежных, пред-
седатель горсовета собирался перейти к зве-
ренному его попечению городу. Но на пути
то и дело вставали края и области, города
старые и города новые, промышленные центры,
массивы колхозных полей, гиганты индустрии.
Ну можно ли было все это так запросто
обойти?

— Товарищи! — приятным баском повество-
вал тов. Толоконников. — В далекой тундре, за
полярным кругом, где до этого не ступала
еще нога человека, мы теперь имеем большой
промышленный город с консерваторией и ка-

фетерием, с медфаком, звуковым кино и тури-
стской базой... На голом месте, у подножья
горы Маннитной, мы, товарищи, имеем...

...Внезапно в зале погас свет и темнота,
густая как смола, сразу облепила докладчика,
президиум, всех собравшихся.

Из тьмы кто-то спросил:

— Тов. Толоконников, я, конечно, извиняюсь,
а о нашем городе будете говорить?.. Например
об электричестве. Не первый уже раз без
свету сидим... Это что, так полагается?

— Явление надо воспринимать во всем его
объеме, товарищи! — мягко сказал докладчик
в темноту. — Я вас, товарищи, не вижу, и вы
меня тоже в данный момент не видите. Но
что же все-таки мы видим, товарищи? По-
требление электричества у нас в городе на-
столько возросло, что его уже, как вы видите,
не всегда хватает... Разве это само по себе не
есть факт, товарищи?.. Факт! Перейдем к дру-
гим фактам. Я хочу еще сказать, товарищи,
о чудесных шоссе-ных дорогах, об автомаги-
стралях Крыма и Кавказа...

В зал шумно вошла большая группа опоз-
давших товарищей и в полумраке, при мер-
цающих свечках, бросилась занимать задние
места.

— Нехорошо! — покачал головой председа-
тель собрания. — Куда это годится, уважае-
мые? Собираемся мы раз в три года, а вы
еще и опаздываете...

— Автобус! — сказали с задних рядов. —
Будь он проклят! Кругом все разворочено.
Мостовая с весны до осени ремонтируется!

— Вот я и говорю, — подхватил Толоконни-
ков, — явление необходимо брать в его полном
объеме. Например возьмемте Карелию с ее мно-
гочисленными озерами и, ну, скажем, безвод-
ные и знойные Каракумы. Что мы здесь
имеем, товарищи? Мы имеем...

...Вспыхнул свет в зале. В то же мгновение
с улицы в раскрытое окно влетел футбольный
мяч и лихо запрыгал по головам сидящих.

— Это Козлов! — сказали в президиуме.

— Нет. Не Козлов. У Козлова так не вый-
дет. Разве не узнаете по удару? Это Ромаш-
кин.

— Скучает молодежь! — крикнули из зала. —
Клуб закрыт, спортплощадку еще не откры-
вали. В кино одну картину третий месяц кру-
тят...

Докладчик мягко улыбнулся и вновь на-
помнил собранию о «явлениях как таковых и
их объеме».

— Ведь это же факт, товарищи, что в го-
роде мы имеем девять культурных очагов.
Восемь школ плюс один педфак!

— В городе не восемь, а одиннадцать
школ! — шепнули ему из президиума.

— ...Одиннадцать школ и плюс педфак —
двенадцать культурнейших очагов, товарищи,
не считая библиотеку и Дом колхозника. Ведь
это же факт. Ведь это же такой факт, това-
рищи, который...

Закругляясь и поглядывая на часы, «хозяин
города» увидел, что говорит уже час сорок
минут, и выжидательно повернулся к столу
президиума.

— Тов. Толоконников! — тотчас вскочил
председатель. — Напоминаю, ваше время уже
истекло. А у нас еще прения и художествен-
ная часть. Артисты уже приехали. Прошу,
пожалуйста, соблюдайте регламент!

Филипп Филиппович развел руками:

— Уже истекло? Ах, как досадно! Пред-
ставьте, а я только еще собирался перейти к
самокритическому разделу своего доклада.
Самокритика — так уж самокритика, неправда
ли, товарищи? Но что же поделаешь, если
время мое истекло? Нет, нет, надо по регла-
менту. Регламент есть регламент. Я подчи-
няюсь!..

С огорченным видом человека, которому не
дали сказать о самом что ни на есть глав-
ном, он стал собирать листочки...

Л. МИТНИЦКИЙ

СОН

Рис. В. Васильева

И пробуждение

СЛЕСАРЬ Морозов опять заснул у станка. — Этак он когда-нибудь под машину попадет! — выслушав донесение мастера, крикнул директор. — Больше не желаю либеральничать! Не желаю! Немедленно уволить сновидца!

Мастер вздохнул и, обращаясь к присутствующим, сказал так, как говорят на похоронах:

— Ну вот и нет нашего Морозова, нашего Мити. Был — и нету. А какой был раньше первостепенный слесарь, высокоразрядный работник! Не раз говорил ему, Мите: «Митя, не спи на работе, разве можно спать стоя? Как это ты ухитряешься?»

— Не хнычь, старик, — сказал директор. — Морозовых много. Слесарь — первый крикун. Иди объяви ему отставку.

Присутствовавший при сем предзавкома одобрительно кивнул головой и постучал в грудь.

— Мое сердце, — сообщил он, — предчувствовало такой конец Морозову. Не даром я отказал в посылке его сорванцов в пионерлагерь. Слесарь тогда обиделся и пообещал: «Хорошо, выведу вас с директором на чистую воду!»

Вмешался парторг.

— Предупреждаю, — поднимая палец вверх, заявил он, — заварится каша. Я вновь и вновь говорю: детей нельзя карать, не они, а мы виноваты в сонливости отцов. Мы вылотнуло не занимались перевоспитанием Морозова.

— Горбатого могила перевоспитает, — хмуро произнес директор. — Я подозреваю, что пропавшие инструменты лежат на совести Морозова. Под суд его надо отдать. Не разводи, парторг, руками: мое решение непреклонно. Пишите! — приказал он секретарю: — «За неоднократный сон, за исчезновение в его смене инструментов слесаря Морозова уволить с преданием следственным органам».

— Крепко! — воскликнул предзавкома и потер руки. — Со своей стороны обязуюсь: расшифровать на собраниях сонную личность Морозова.

— Не мешало бы карикатуру на Морозова сделать, — сказал директор, большой любитель рисования.

Он сейчас же вооружился карандашом и на первом попавшемся на глаза письме начал работать.

— Подожди! — остановил парторг. — На этом письме штамп наркома.

— Караул! — испуганно отбрасывая карандаш, вскричал директор. — Это что за извещение?

— Секретариат извещает, что... — стал читать вслух директор и остановился, широко раскрыв глаза.

— Что случилось? — в один голос воскликнули парторг и председатель завкома. — Ты зажигаешь папиросу не с того конца!

Директор вылинул ее, выругался и, вытерев выступивший на лбу пот, запинаясь, продолжал:

— «...что нарком рассмотрел жалобу тов. Морозова. Факты, изложенные в его письме, подтвердились полностью. Нарком указал:

1. Пресечь попытки увольнения тов. Морозова.
2. Резко улучшить его бытовые условия.
3. Отметить, что дело тов. Морозова прошло мимо проф- и парторганизаций завода, что... Хотя убейте меня, — недоумевающе прошептал директор, — и тогда ничего не пойму. Неужели у Морозова в центре связи?

Он тупо глядел на собеседников.

— Я предупреждал о каше, — глухо сказал парторг. — Вы, товарищи, знали мою точку зрения.

— Почему это, папа, одни муравьи тянут червяка в одну сторону, а другие — в другую?

— Должно быть, это заготовители из разных организаций.

— И я тут не при чем! — выхватывая письмо, воскликнул предзавкома. — Смотрите, наркомат пишет: Морозов прошел мимо профсоюза, — значит, мимо меня.

— Врешь! — гневно заявил директор и встал. — Не мимо!

— Нет, мимо! Наркому оттуда, — председатель показал на окно, — виднее, мимо или не мимо.

— Не надо спорить, — предложил парторг. — Надо срочно остановить приказ. Пойду, задержу Морозова.

— Вместе пойдем, — решил предзавкома и в дверях погрозил директору: — Мы не позволим зря пачкать человека. Советую завтра же поселить слесаря в новую квартиру...

Морозов раздевался.

— Голубчик, а мы к тебе, — ласково сообщил предзавкома и погладил голую спину слесаря. — Ты зачем раздеваешься?

— Настроение такое, — пробурчал Морозов. — Не трожь меня!

— Одевайся, Морозов, — сказал парторг. — Мы хотим побеседовать с тобой по душам.

— Хватит, беседовались.

— Милый, не беспокойся, приказ разорван, — предзавкома забежал вперед и для убедительности разорвал какой-то свой документ. — Как здоровье твоих карапузов? Обра-

дую: завтра же повезем их в деревню. Может быть, тебе для отправки нужны деньги?

Слесарь перестал раздеваться. С раскрытым ртом стоял он и смотрел то на одного, то на другого. Затем он безнадежно махнул рукой и стал снимать брюки.

— Ты мне веришь? — хватаясь за них, спросил парторг. — Я не болтун.

— Тебе, пожалуй, верю. Неужели это не брехня?

На другой день Морозова пригласил директор.

— Ты уж извини меня, Дмитрий Иванович, — сказал он, протягивая руки точно для объятий. — Тебя ведь так величают? Сильно не сердись, Иваныч! Вот клони от твоей новой квартиры.

...Морозов стал неузнаваем: всегда выбрит, всегда из-под чистой куртки выглядывал белый воротничок.

— Морозову надо бы в вуз, — однажды, зайдя к директору, заявил парторг. — Ты почему смотришь волком?

Директор молча передал парторгу только что полученное письмо:

«Секретариат наркома по ошибке переслал вам его решение, касающееся тов. Морозова, работающего на соседнем с вашим заводе, а именно на «Красном факеле». Просим вас переслать документ по назначению».

БОРИС АГАРОВ

Тишина... Чуть трепещут листья...

Переменился характер

В СЕ живое с течением времени подвержено переменам. Меняются привычки, число морщин, цвет волос. Недавно я окончательно не узнал свою старую знакомую: она стала огненно-рыжей. Я чуть не закричал: «Пожар!»

Однако ничто на свете не меняется так оригинально, как характер шофера.

Случай дважды свел меня с одним и тем же шофером. Первый раз это было месяц тому назад.

Я поджидал такси на остановке. Из-за угла вдруг выскочила машина и на секунду застыла на месте.

В то же мгновение стремительно открылась дверца.

— Садитесь! — ухнуло изнутри.

Я не успел поставить ногу на подножку, как машина уже покатила.

— Стойте! — заорал я. — Дайте же сесть!

Тогда мне на помощь пришла свободная рука шофера: она ловко ухватила меня за шиворот и втащила внутрь, после чего так же быстро захлопнула дверцу.

Все движения этого человека были скоропалительны, четки и разумно экономны.

— Куда? — спросил он, не поворачивая головы.

Я назвал адрес.

Машина подпрыгнула и понеслась. Вокруг меня все гудело, мелькало и прыгало. Я сам гудел и прыгал, то и дело стучаясь головой в потолок и стенки. Перед светофорами, когда молниеносный шофер вдруг осаживал маши-

ну, мне стоило больших усилий не пробить по инерции стекло. Но тут машина сделала рывок вперед, и мое тело (я его уже почти не чувствовал) устремлялось с такой же бешеной инерцией назад, пытаясь высадить спинку сиденья и вывалиться на мостовую.

Но вот все кончилось так же быстро, как и возникло. Стало тихо. Машина стояла у цели путешествия. Я вылез.

— За двенадцать километров. Восемь рублей, сорок. Скорей! — скомандовал шофер.

Я расплатился. Я хотел спросить:

— Какого чорта вы так...

Но дверцы уже захлопнулись. Торопливый шофер загудел и помчался.

И вот надня я встретился с тем же шофером. Когда знакомое лицо мелькнуло в кабине, я стремительно прыгнул на подножку.

— Втаскивайте меня! — крикнул я, готовя свой шиворот для его ловкой руки.

— Садитесь, садитесь, — медленно, как-то даже певуче сказал он.

Я давно сидел. Машина не трогалась. Шофер снял кепку, пригладил волосы. Надел кепку. Вытащил платок, высморкался. Долго складывал платок. Задумчиво посидел и, наконец, справился:

— Сели? Куда ехать?

Я назвал адрес. Он переспросил. Я повторил адрес. Шофер включил мотор, и машина помчалась. Но уже в ближайшие полчаса я успел заметить, что выражение «мчаться» здесь прилично не более чем для дроб, мед-

ленно движущихся под похоронный марш Шопена.

Машина ползла немного быстрее каракатицы, вдобавок каракатицы, которой предписан абсолютный покой и минимум движений.

Она останавливалась даже перед открытым светофором и двигалась дальше только после того, как я говорил:

— Чего же вы? Можно ехать...

Я настроился грустно. Я размышлял:

«Какая страшная перемена! Куда девался пыл у этого человека? Где его стремительность?»

— Скоро ли доедем? — спросил я. — Что-то долгойко плетемся!

Он светло улыбнулся:

— Тихе едешь, дальше будешь.

Но вот кончилось и это путешествие. Мы допозли до подъезда.

— Двенадцать километров? — спросил я, вынимая деньги.

— Э! Нет...

Он взглянул на часы.

— Час и... и... (он следил за минутной стрелкой) и тридцать минут. Итого, по пятнадцати рублей за час, двадцать два рубля с полтиной.

Прочтя изумление на моем лице, шофер пояснил:

— Сейчас я работаю без счетчика. По часам. Так что спешки никакой... Вас, может быть, подождать?

— Нет, — испугался я, — спасибо.

Ив. ПРУТКОВ

ПЕТУШОК ПР

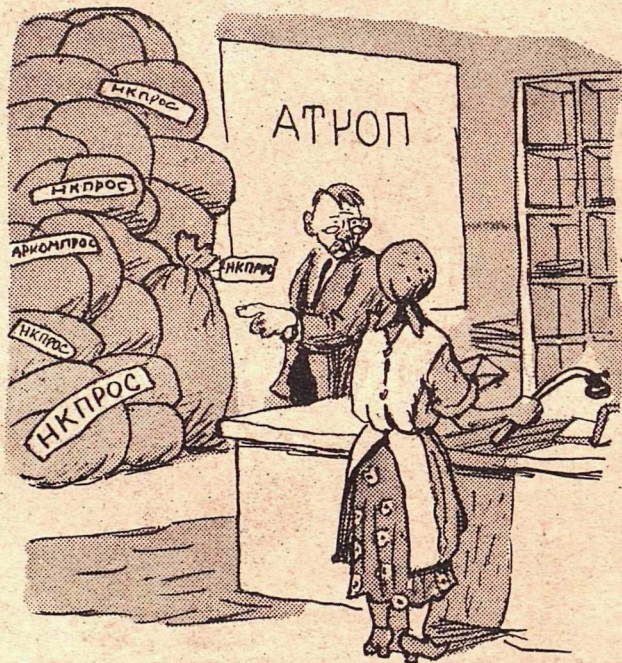
Рис. Л. Генча **СТАРАЯ ПЕСНЯ**

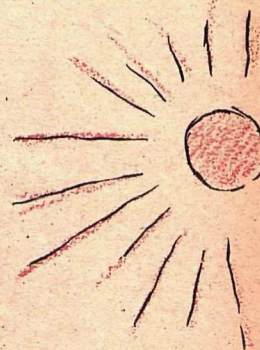
„Мы только знакомы,
как странно..“

КАЖДОМУ СВОЕ

Рис. Евгана

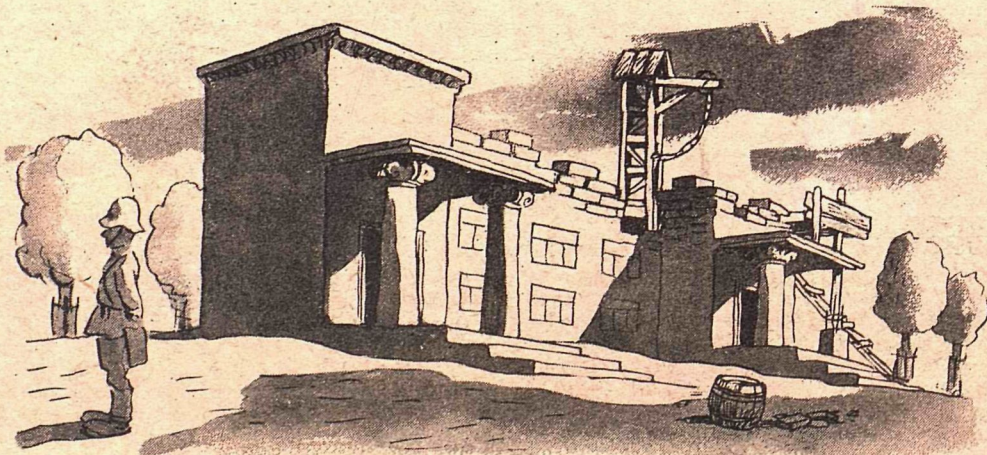

— Материалы Наркомпроса надо вручать адресатам сразу: у них свое опоздание есть, они в нашем не нуждаются.

ПРО

Малыш

Неполная средняя школа.

Рис. Евгана

Горит на берегах осень.
И, ранец на плечи взбросив,
Идет он, зарей задет..
Прошло незаметно восемь
Чумазных, домашних лет.
Он знает, что есть на свете,
Помимо его двора,
Акулы, моря и ветер,
Который поет: «Пора».
Он к школе шагает улицей,
Где окна от утра жмурятся,
Но кажется, будто он
Плывет к незнакомым землям,
Под ним океан волнуется,
Открытый со всех сторон.

Он в де
Но лент
Вскрыва
Он смот
Слегка
Он мало
Но знает
Он долж
Открыть
И, ранец
Пройдя
Он двер
Решител

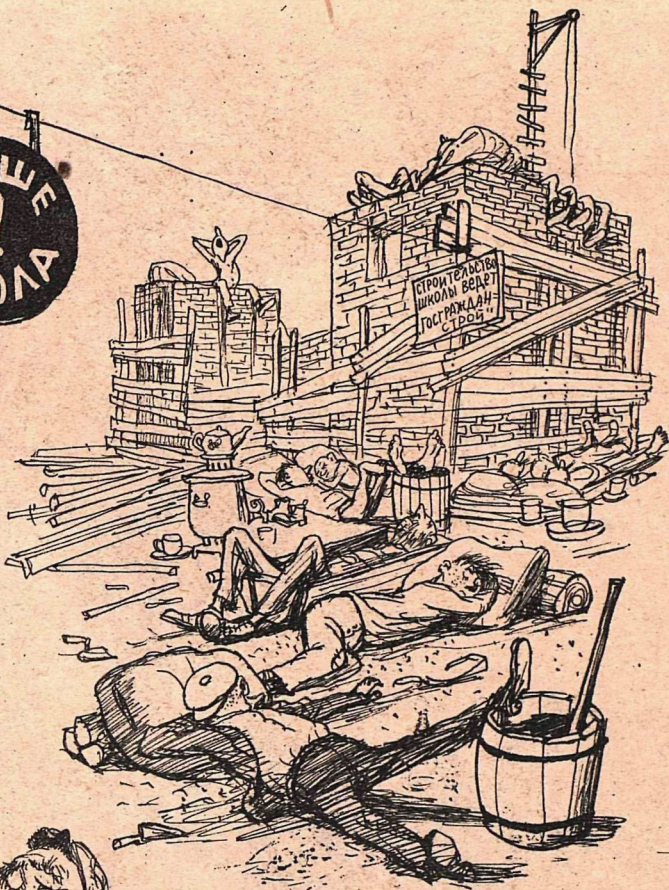
РОПЕЛ ДАВНО...

Рис. И. Семенова

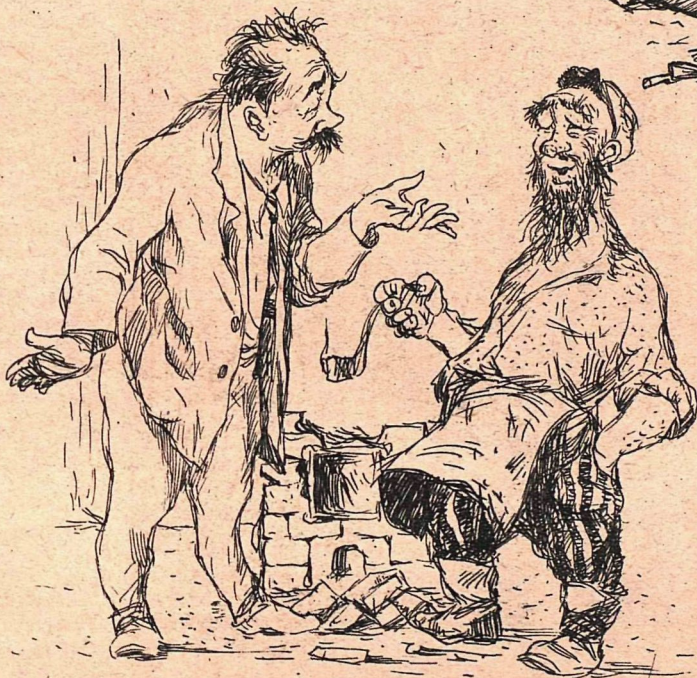
Рис. И. Семенова

ВОДЫ

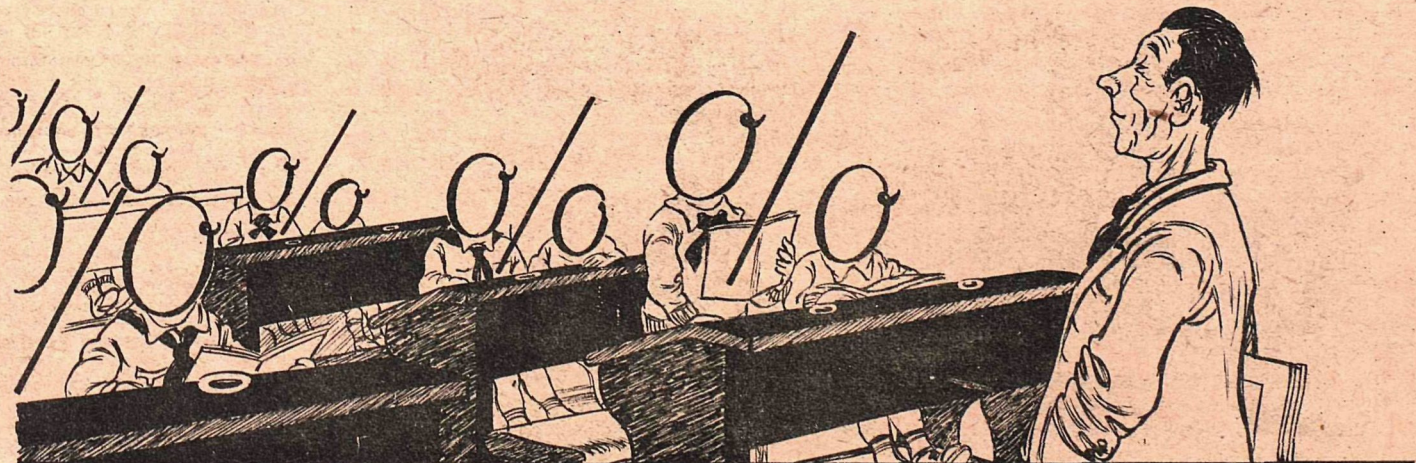
ВСЕ В ПОРЯДКЕ

Рис. Р. Сайфулина

— Уже первое сентября, а печка в школе еще не готова!
 — Не беспокойтесь. Дрова-то ведь будут не раньше пятнадцатого ноября.

етских штанах и тапочках,
 ы матроской шапочки
 ют его судьбу;
 рит на встречных твердо,
 акусив губу.
 чего умеет,
 г пути пунктир;
 кен понять, измерить,
 незнакомый мир.
 ц неся тяжелый,
 вдоль примятых клумб,
 ь открывает в школу
 ьно, как Колумб.

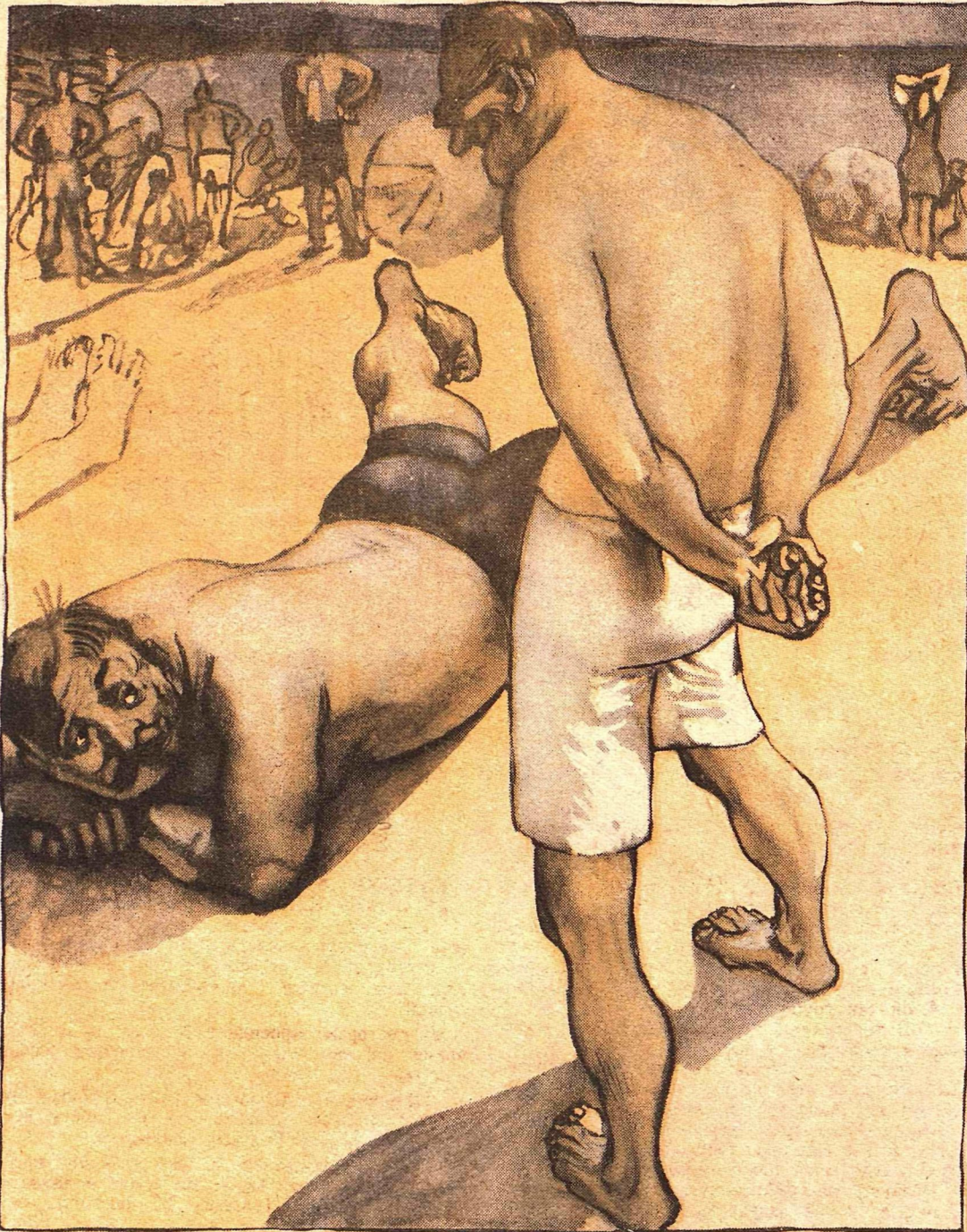

Каким кажется класс учителю, любящему „средние цифры“

Рис. В. Васильева

ГЕОРГИЙ ПОМЕРАНЦЕВ

Рис. М. Черемных

—А теперь я взял командировку в Сочи по текстильным делам.
—По текстильным?
—Ну да. Бархатный сезон начался.

Не сахар!

Этот документ следует напечатать в его девственной, нетронутом виде. Каждое грубое прикосновение к нему — кощунство. Пусть он красуется, великолепный и неповторимый. Вот он:

«ТРУДОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ»

Настоящее соглашение заключено между Главсахаром с одной стороны и с Росплодоснабом, Консервлесом и Консервзаготпроектом с другой стороны в нижеследующем:

1. Главсахар принимает на себя обязанность обслуживать уборными Главсахара сотрудников Росплодоснаба в количестве 30 чел., Консервлеса в колич. 30 чел. и Консервзаготпроекта в количестве 40 чел.

2. За это обслуживание указанные выше организация обязуются оплачивать АХО Главсахара ежемесячно:

Росплодоснаб	75 рублей в месяц
Консервлес	75 » »
Консервзаготпроект	100 » »

3. Настоящее соглашение входит в силу с 1 января 1939 г. и действительно по 31 декабря 39 г.

4. При несвоевременном возмещении Главсахару означенных расходов Главсахар в праве в 10 дневный срок лишить права эти организации пользоваться уборными Главсахара.

От. Главсахара Нач. АХО КРЕЙЧМАН

- » Росплодоснаба
- » Консервлеса
- » Консервзаготпроекта».

Здесь все прекрасно! И заголовок «Трудовое соглашение». Умудрит же господь человека! И точный учет, так сказать, «абонентов», и «такса», и ужасная кара, которой грозит Крейчман нерадивым плательщикам.

И все-таки нам кажется, что не пристало Главсахару заниматься таким отхожим промыслом.

Необычайное происшествие

НЕЖДАННО-негаданно, точно снег на голубу, грянула беда. Паника овладела многими жителями Ашхабада. Вначале никто не верил слухам, а они проникали все глубже и дальше, внося смутнение в ряды граждан столицы союзной республики.

Во всем виноват самый обыкновенный водный бассейн. Расположен он в сорока пяти километрах от города, в дачной местности Чули, по праву считающейся здесь лучшим и, пожалуй, единственным уголком отдыха.

Зелень, прохлада и ключевая вода привлекают каждый выходной день утомленных зноем ашхабадцев.

И вдруг...

Впрочем, расскажем по порядку.

Недавно в самый разгар купанья к бассейну явился начальник финансово-хозяйственной части Совнаркома Туркмении Оганов, вызвал рабочих и приказал:

— Выпустить воду.

Через несколько минут находившиеся в воде очутились на песке; удивленно пожимая плечами, спрашивали друг друга:

— Что за чертовщина? Куда девалась вода? Усмехаясь, Оганов ответил:

— Я приказал выпустить.

— Почему? В чем дело? — градом посыпались вопросы.

— Здесь недалеко находится дача для ответственных работников, а вы купаться не имеете права.

Его пробовали образумить:

— Слушайте, Оганов, ведь больше негде купаться. Вы же отлично знаете, что такое Ашхабад.

— Молчать! — гаркнул бравый Оганов.

Купавшимся осталось только возмущаться. Казалось, на этом кончился инцидент, но не тут-то было.

Через несколько дней Совнарком Туркмении издал распоряжение:

«Пользоваться бассейном в Чули и купаться имеют права только наркомы и лица, фамилии коих указаны в особом списке...»

Да, жарко... Очень жарко в Ашхабаде!

И. ПОЛЕССКИЙ

САДОВАЯ ФИГУРА

И поставил Витебский горсовет на Пушкинском сквере некий монумент.

Ходили жители и недоумевали:

— С одной стороны, если какая-то фигура в плаще и с кудрявыми волосами воздвигнута на Пушкинском сквере, — следовательно, это, без сомнения, А. С. Пушкин. Но, с другой стороны, у фигуры этакий глупый вид, и напоминает она довоенного провинциального душку-тенора в тот момент, когда он пальцем показывает на верхнее «ля», которое взять голосом не в состоянии, — значит, без сомнения, не Пушкин!

Витебские жители подняли скандал, стали гадать в горсовет, писать в местную газету. Попробовал председатель горсовета Багриновский свалить все это дело с памятником на плечи коммунального отдела. На ворохе жалоб на «памятник» написал было: «На усмотрение горкомхоза». Что, собственно, должен был «усматривать» горкомхоз, — непонятно.

И пришлось памятник снять. Но, снявши, надо было как-нибудь сохранить невинное и даже одухотворенное лицо.

Багриновский попытался это сделать. Он написал:

«Витебский горсовет сообщает, что в сквере им. Пушкина в гор. Витебске горсоветом был поставлен не памятник писателю Пушкину, а садовая фигура».

Написал, а никто не верит. Не помогло даже то, что Багриновский изобрел новый скульптурный жанр — «садовая фигура».

Жертва Травли

ДАВАЙТЕ, товарищи, условимся, если кто-нибудь вам скажет, будто я склочница, плюньте ему в физиономию. Ведь все это ложь! Клевета, честное слово! Просто травля!

Если хотите, могу рассказать все по порядку.

Утром выхожу я в коридор и наткнулась на соседа Сергея Петровича. Неприятный такой субъект. Приятных соседей, как вы сами хорошо знаете, вообще не бывает. Что такое сосед? Это жилец вашей квартиры, который заводит патефон, когда вы спите, и спит, когда вам хочется завести патефон.

Значит, этот Сергей Петрович останавливается, кланяется и говорит:

— Доброе утро, Марья Павловна. Как спали?

Я сразу насторожилась. Зачем ему надо знать, как я спала? Небось, выпытывает: раз спала плохо, — значит, читала, жгла свет, значит, при раскладке за электроэнергию учтем... Или, может, он хочет пронюхать, нет ли у меня клопов? У самого Сергея Петровича, должна я вам сказать, клопы — ну просто громадные гибриды! Не иначе, как он их скрещивал с черными тараканами.

Я и говорю:

— Где уж тут хорошо спать, Сергей Петрович, если у вас всю ночь радио трещало?

А он, знаете, нахально оскалил свои нержавеющие зубы:

— Помилуйте, Марья Павловна, у нас даже и радио нет.

Но меня, товарищи, так легко не собьешь.

— Нет? — переспрашиваю я. — Тем хуже, — говорю. — Лучше уж от культурного радио не спать чем от ваших пьяных криков.

Тут он улыбаться перестал и этак нервно-нервно плечом задергал.

— Странный у вас тон, Марья Павловна. Какие пьяные крики? Нас и дома-то ночью не было. Мы оба дежурили.

Но я ему вывернуться не дала.

— Дежурили? — говорю. — Тем более свинство! Шляетесь где-то до рассвета, вот дверь всю ночь и стоит на одном английском замке. Конечно, тревожишься, не спишь. Вот сообщу в домоуправление — оно вас подтянет..

Этот нахал как посмотрел на меня, ну, как поезд на Анну Каренину, перед тем как передавать ее, и прошипел:

— Вот язва-баба! — И убежал.

Подумайте, товарищи, пристать к женщине в коридоре и так оскорбить ее! Конечно, я сейчас же написала заявление управдому о невозможности совместного проживания. Потом прокурору. Семья, пишу, очень подозрительная. Сам Головастик в прошлом был связан с мужской гимназией, а жена лечится у гомеопата.

Был со мной и другой случай. Еду я как-то в переполненном трамвае. Стою в проходе. О том, чтобы сесть, конечно, и не мечтаю. Сами знаете, скорее уступит свое место телеграфный столб чем мужчина в трамвае.

Вдруг какой-то парень в синей майке поднимается и делает мне такой фамильярный жест рукой: садитесь, мол, гражданка. Пассажиры глаза выпучили от удивления. Кондуктор даже пошатнулся и билеты выронил. Одна я не растерялась. С какой стати, думаю, уступает? Мокро там, что ли? Или, может, в скамье гвоздь торчит, так хочет, чтоб я свою новую юбку изодрала?

А парень оказался настойчивый и тянет меня сзади за жакет. Тогда я локтем как двину — он в стекло и вцепился.

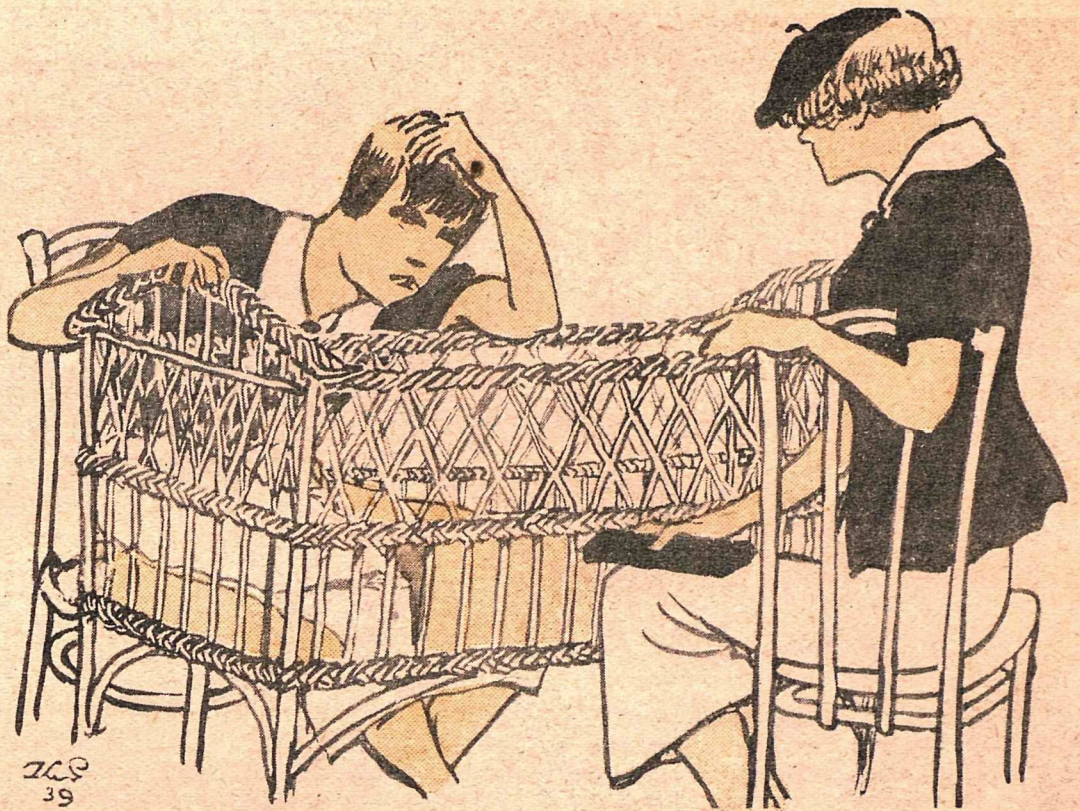
И еще, нахал, обижается:

— Что же это такое, тетушка? Я вам место уступил, а вы...

Вот я ему и задала:

— Какая я тебе, — говорю, — тетушка? Всякая рвань в племянники лезет! Ах, ты хулиган этакий! Распустили вас, чертей, на нашу голову. Сегодня место уступит, завтра сумку украдет..

Здесь кондуктор вмешался. От самых Сокольников молчал как немой, ни одной оставки не назвал, даже на пассажиров не огры-

— Сперва он для меня и на „зис“ денег не жалел, а как дошло до детской колясочки, — испугался и скрылся.

зался, и вдруг в нем Рейзен проснулся, басом этак загудит:

— Чего вы к парню пристали, гражданка? Он вам место уступил, по-благородному, видит: человек постарше..

Меня просто взорвало от этого оскорбления: — Кто это постарше, я-то? Вы что же, мой паспорт смотрели, что ли? Или моя мать, когда меня родила, вам телеграмму прислала?..

А он так грубо отвечает: — В те времена, когда вас мамаша рожала, еще и телеграфа не было..

Кончилось все это в милиции. И представьте, дежурный стал на их сторону. Конечно, я сейчас же написала на него заявление куда следует. Посмотрим, чем это еще кончится.

Да что я вам про соседей и трамвай толкую, когда меня даже на службе травят.

Недавно на работе мне стало нехорошо. Присела я на диванчик. Сажу, отдыхаю. Вдруг подбегает Наташка Зубцова, наша секретарша, с таким будто участливым лицом:

— Что с вами, Марья Павловна, голубушка? Почему вы так бледны?

И орет, подлая, на весь зал. Это чтобы все знали, что у меня плохой цвет лица, а у нее хороший.

Но я таким же громким голосом отвечаю: — Да, бледная. Лучше уж быть бледной, Наташа, чем иметь, простите меня, такую кирпичную рожу, как у вас. Да еще столько веснушек, что если их без блата распределить, носов на десять хватило бы.

Видку: мой намек дошел. Прикусила губку. — Извините, — говорит. — Я думала, что у вас голова болит, а у меня порошки.

Но я ее ловко отрезала: — Вот и глотайте их на здоровье. Да еще своего ухажера покормите. Того, который внизу вас каждый день ожидает.

А она в слезы: — За что вы меня оскорбляете, Марья Павловна? Вы же знаете, что это мой муж.

Но я только рукой махнула: — Мы теперешних мужей знаем.

И, можете себе представить, меня же потянули на местком. За что же, спрашиваю. Только за то, что я спугала ее мужа с ухажером? Уверю вас, она их чаще путает..

Вот и все. Теперь вы сами видите, что я жертва гнусной лжи. Клеветы! Просто травля! И если кто-нибудь вам скажет, будто я склочница, плюньте ему в физиономию.

Евг. БЕРМОНТ

Ресторанный эпос

РЕДКО наш журнал прибегает к перепечаткам. Но как не перепечатать помещенные в газете «Ленинский путь» (гор. Самарканд) выдержки из жалобной книги ресторана № 1 в том же Самарканде? Вот они, эти полные эпического спокойствия строки:

«В ресторане просидели 3 часа, и за это время ко мне ни разу не подошла официантка».

«Официантка Щербакова самая лучшая, и 3 часа держать клиента она не может потому, что подает быстро» (директор).

«Я заказал поджарку из баранины, мне принесли одни кости. Такие же кости подали и другим клиентам» (подпись 20 человек).

«Потребители были выпившими. Мною была проверена вся поджарка. Поджарка была вкусная, а мясо без костей не бывает» (директор).

«В ресторане сидели 2 часа. Официантка Панальчина обед не подала. Просим директора принять меры».

Директор лаконично ответил: «Во время горячки допускатся».

«Директор ресторана Терентьев сам лично поощряет грубое отношение и обращение к посетителям. Меня ни за что выгнали из столовой» (юрисконсульт).

«Потребитель, который именуется юристом, очень о себе понимает много, швейцар не пускал публику ввиду перегруженности зала. Мы его выгнали за дверь. Жалоба ни на чем не обоснована, ее может подтвердить мой бухгалтер» (директор).

«Мы, клиенты, очень возмущены тем, что официантка Сафронова подала нам обед, в котором мясо было с шерстью. Просим администрацию принять жесткие меры».

«При опросе повар, который отпускал, заявил: не волосы на мясе, а просто волос. Ветврач, который писал жалобу, был выпивши и поэтому жалоба не обоснована» (директор).

«Мы, клиенты, обращаем внимание на грубое обращение официанток с посетителями».

«С официантками мы проводим борьбу беспощадную, проводим каждый день после работы беседы» (директор).

Взирая на лица

(портреты, пародии, эпиграммы)

ЗИЗГАГИ

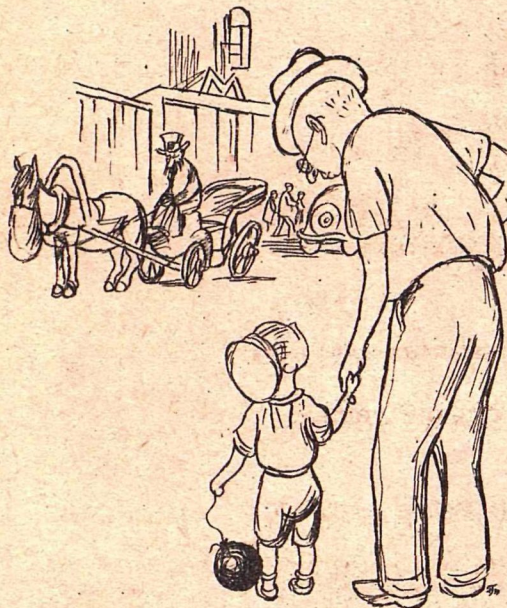
(С. Кирсанов)

...А между ходулями шло авто
и в то

авто
я вто-
пан меж
двух дам
цвета беж.

По шоссе. Мимо скал. Шла машина моря поверх.
Был извилистым путь. Лил ливень. Ливень лил. Был бурливым пад вод.
И шофер машину повер-
нул (-нул-повер) и нырнул в поворот.

(СЕМЕН КИРСАНОВ «Дорога по радуге».
Гослитиздат. 1938.)

— Папа, надоели мне метро, автобусы, троллейбусы — очень уж все это старо. Поедем лучше на извозчике.

ОПЯТЬ ПО ЩЕДРИНУ

Вот уже и прошел юбилей Салтыкова-Щедрина, а материал к юбилею все продолжает поступать. На этот раз порадовали присылкой материала дагестанские организации: Буйнакский горсовет и управление милиции Дагестана. Это они совместно сочинили и защищают обязательное постановление № 3 Буйнакского городского совета, которое (постановление) сильно напоминает знаменитый щедринский устав, где, помнится, сказано, что ходить по улицам и заходить в переулки можно, а непристойные телодвижения при встрече с женщинами делать нельзя. Так ведь Салтыков-Щедрин писал это в насмешку, а товарищи Ханов (председатель Буйнакского горсовета), Воробьев (ответственный секретарь), Кебедов (начальник милиции Дагестана) и Островский (начальник отдела службы и подготовки) совершенно всерьез и почти дословно воспроизводят этот издевательский устав, сочиненный Щедриным.

Первый пункт постановления начинается так:

«Считать недопустимым всякого рода ссорные действия...»

А дальше совсем уже как у Салтыкова-Щедрина:

а) Приставать на улице к гражданам, толкание, насмешки над личностью, бросание камнями, грязью, снегом, обливание водой, подставление ног проходящим гражданам, делать неприличные жесты и движения.

б) Озорные действия, нарушающие порядок уличного движения, как-то: пугание каким-либо образом лошадей, протягивание веревок через дорогу, пешеходные трюки и трюкары.

в) Срывание расклеенных афиш, плакатов, объявлений, писать на заборах воротах, стенах зданий, звонить из-за озорства у парадных или срывать электрические, телефонные провода и лампочки, ломать и портить деревья».

Помилосердствуйте, товарищи Ханов, Воробьев, Кебедов и Островский! Зачем вы делаете вид, что весь город Буйнакск населен хулиганами и дебоширами? Неверно это.

А если кому-нибудь из малосознательных граждан придет в голову заняться «подставлением ног проходящим гражданам» или, как предусмотрено у Щедрина, «делать неприличные жесты и движения», так такого малосознательного гражданина вы можете привлечь к ответственности без специального обязательного постановления.

Были недовольны мы,
Ехали в линкольне мы.
Я с товарищем, и к нам
Сели меж
Пара наших дам
Цвета беж.
Едем криво,
Едем косо,
Ехать прямо —
не к лицу.
По Садовой едем.
По Са-
-дово (по Са)-му кольцу.
Давай,
авто,
авто,

давай,
гони,
а то
могнем
в трамвай.
Не линкольн,
а «Любо-бис»!
Наконец, мы
в Клубе Пис.
Стали мы
глотать икру,
Купать джем.
Стали мы играть в игру
В букву Эм.
Мсё!!!

НАДПИСЬ НА БОЧКЕ

(В. Казин)

Стучу, стучу я молотком,
Верчу, верчу трубу на ломе...

(В. КАЗИН «Рабочий май»)

Строчу, строчу я много лет.
Бурчу, бурчу — читатель судит.
А толку что-то нет и нет,

И надо думать, что не будет.
Настанет март, за ним апрель,
Приходит время новым строчкам.
Все тот же звук, все та же грель,—
Как будто я стучу по бочкам.

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

Доска приказов

ПРИКАЗ № 16

По Актюбинскому Межрайплемрассаднику Мелкого Животноводства

В связи с личным заявлением (домохозяйки) жены Дарьи рабочего Лысенко Антон о том, что с 8-го по 9-ое марта с. г. в неурочное время был обнаружен в квартире рабочей Веприковой Марии, Лысенко Антон, на почве чего произошла семейная склока. В целях предотвращения этих склок рабочей Веприковой Марии и Лысенко Антону выношу выговор и предупреждаю: рабочей Веприковой Марии в неурочное ночное время к себе на квартиру никого не принимать. Деловые вопросы касающиеся удою и других по хозяйству, разрешать в конторе. При условии повторения будут приняты соответствующие меры по административной линии.

Зав. КУЛИШ

ПРИКАЗ № 138

По 1-му участку Сантехстроя г. Минска. От 26. VII. 39 года

Завгаража т. Лазаревич 22-VII был обнаружен в помещении гаража (в рабочее время) спящим. За нарушение постановления партии и правительства о трудовой дисциплине, выразившееся в том, что т. Лазаревич, несмотря на срочную работу, в рабочее время спал, объявляю строгий выговор с предупреждением.

За нарушение постановления т. Лазаревич должен быть уволен, но, учитывая, что мне неизвестно, какое время т. Лазаревич спал, ограничиваюсь такой меры взыскания.

Нач. 1-го участка Сантехстроя БОНДАРЕВ

ПРИКАЗ № 99

по Черемховской ЦЭС треста «Востсибуголь» от 10 июля 1939 года.

За приход на работу в нетрезвом виде турбомастеру Носову М. Е. ушедшего с работы 8/VII 1939 года за два часа вперед и не явившегося на работу 9/VII 1939 года объявляю строгий выговор и строгий выговор с предупреждением, уволить за прогул.

Директор ЦЭС — ШКИРЕВ

Для многих команд „Кубок СССР“ по футболу оказался горькой чашей.

Тридцать шесть и шесть

(Рассказ из водолазной жизни)

ВОДОЛАЗ Семен Верескун, медленно продвигаясь по скользкому каменистому дну и нехотя разглядывая медуз и мелких каракатиц, неожиданно вспомнил, что забыл выключить дома электрический чайник. Как и всегда в минуты внезапной опасности, Верескун рефлексивным движением дернул сигнальную веревку. Не успел водолаз опомниться, как почувствовал, что каменистый грунт уходит из-под его свинцовых подошв. Подъемный трос натянулся и повлек наверх Верескуна, беспомощно перебиравшего ногами.

Вскоре Семен Верескун стоял на палубе портового водолазного катера и товарищи торопливо отвинчивали иллюминатор его шлема.

— Что случилось? — с тревогой спросил старшина.

— Забыл выключить чайник, — ответил водолаз.

— Какой чайник?

— Электрический. Напился чаю и забыл выключить.

Матросы переглянулись...

— Нечего было подыматься, — угрюмо заметил старшина.

— А если пожар? Выкипит, расплавится — и пожар. Жена уехала. В квартире никого нету.

— Да-а! — протянул старшина. — История!

Катер покачивала мелкая назойливая волна. Далеко на берегу виднелись белые легкие постройки. Баркас затонул у самого входа в бухту, и портовые водолазы надеялись поднять его без помощи Эпрона.

— К вечеру бы подняли! Дело было на мази! — сказал моторист и выразительно посмотрел на водолаза.

— С каждым может случиться, — отозвался смущенный Верескун.

— Не с каждым. Мы чайники выключаем... Что ж теперь делать?

— Работать надо! — сказал рулевой. — В порт возвращаться чайник выключать — верных три часа простоя.

— А если дом сгорит? — спросил старшина.

— Ну и пусть горит! — со злостью сказал Верескун, собираясь снова надеть шлем.

— Только не горячись! — вмешался рулевой. — Есть выход: можно просигнализировать на берег.

Матрос Богульков, бормоча что-то о любителях чаепития, взял флажки и полез на крышу рубки.

В порту вскоре заметили позывные. Проворно семафора флажками, Богульков передал:

«Сбегайте на квартиру к водолазу Верескуну, выключите там электрический чайник».

Приняв этот сигнал бедствия, порт ответил: «Бросьте чудить!»

— С этими дураплиями проговоришь дольше, — сердито сказал старшина. — Давай к берегу!

Застучал мотор, и катер, быстро набирая ход, пошел через бухту. Верескун сидел на корме и, сквернословя, стягивал водолазные доспехи.

Когда катер остановился у пристани, Богульков церемонно поклонился водолазу и прокричал:

— Чай готов. Пожалуйста кушать!

Верескун прыгнул на берег и, не оглядываясь, побежал к поселку. Водолаз перевел дух только у дверей своей квартиры.

«Что только в комнате делается?» — подумал Верескун и потянулся за ключами.

Ключей не было. Они остались на катере, в пиджаке.

Рассвирепевший водолаз, мотая башкой, помчался назад на пристань.

— Куда бежишь, Сеня? — окликнули его у причала. — Твой катер ушел заправляться.

Верескун издал глухой стон. Никогда еще за всю свою подводную практику, полную опасностей и приключений, он так не волновался. Только профессиональная выдержка помогла ему взять себя в руки и быстро принять решение.

Верескун направился в механическую мастерскую.

Через несколько минут слесарь уже ковырялся отмычкой в замке водолазной квартиры. Сам же Верескун нетерпеливо топтался на месте, прильнув ухом к дверям и поводя ноздрями. Но в квартире стояла тишина и гарью еще не пахло.

«Может, я его выключил?» — мелькнуло в воспаленном мозгу водолаза.

Тут дверь, наконец, распахнулась. Верескун вбежал к себе в комнату.

Новехонький электрический чайник, купленный вчера водолазом, мирно сиял на столе. Он был чуть теплый, хотя вилка и торчала в штепселе. Температура чайника не превышала нормальной температуры человеческого тела.

— Тридцать шесть и шесть! — сказал Верескун и счастливо рассмеялся.

Как потом выяснилось, в чайнике с первого же раза перегорела какая-то пластинка. Но это был, пожалуй, единственный в истории ширпотреба случай, когда скверное качество продукции искренно обрадовало потребителя.

Е. и С. ШАТРОВЫ

«ШТИЛЬ» РЕДАКТОРА ШМАКОВА

Редактор «Восточно-сибирской правды» тов. Шмаков свято выполняет свою обязанность — учить низовую печать, помогать ей. Он никогда не пропустит случая, чтобы не поправить какую-нибудь газету, не указать ей на допущенную ошибку.

Так было и 29 июля. Не изменяя этой своей традиции, он выступил с заметкой «Штиль» редактора Москвитина». В ней речь шла о многотиражке «За уголь» (Черемхово), о том, как неграмотно был написан ее отчет о встрече приехавших в Черемхово переселенцев.

Не довольствуясь уничтожающей критикой по адресу многотиражки, редактор «Восточно-сибирской правды» решил в заключение выказать свои познания в области русской литературы.

Учить так учить! И в конце заметки он с ученым видом наставляет редактора многотиражки:

«Один из героев пьесы А. Островского «Лес» часто говорил своему другу:

«Друг мой, Аркадий, не говори красиво!» Эти слова, кстати, относятся и к редактору тов. Москвитину».

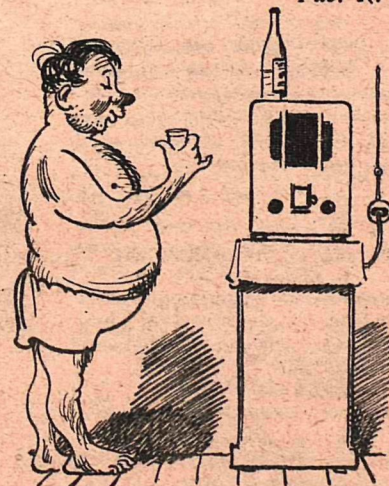
Без всяких красивостей скажем тов. Шмакову, что он зря приписывает Островскому то, что написано было Тургеневым. В романе «Отцы и дети» Евгений Базаров однажды во время ссоры с Аркадием Кирсановым сказал последнему:

«О друг мой, Аркадий Николаевич! Об одном прошу тебя: не говори красиво».

Заметим, между прочим, что сказал он это лишь однажды, к тому же при несколько иных обстоятельствах.

В заключение мы не будем, по примеру тов. Шмакова, цитировать классиков, а скажем просто: не знаешь — не пиши.

Рис. К. Ретова

Утренняя зарядка.

СКУЧНАЯ ИСТИНА

Все знают, что Табакторг занимается продажей табачных изделий, а Мосминводу, например, на роду написана торговля газированной водой. Никто не пойдет в нефтелавку за шоколадным пломбиром.

Никто, кроме заместителя заведующего Ойротским областным торговым отделом тов. Смирнова, который не успел еще разобраться во всех этих тонкостях.

Свою блестящую неосведомленность Смирнов недавно продемонстрировал в бумаге за № 1/8, адресованной отделению «Союзпечати» в городе Ойрот-Тура. Строгим тоном Смирнов потребовал от «Союзпечати»

«...месячный отчет по расходу муки, крупы, зернофуража и макарон, также отразите остатки за июль месяц сего года».

А никаким остаткам от макарон в «Союзпечати» взяться неоткуда, поскольку «Союзпечать», как явствует из самого названия, имеет дело с газетами и журналами. И мы очень удручены, что на нашу долю выпало разъяснить эту скучную истину одному взрослому деятелю торговли.

СТОИМОСТЬ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Характеристика — вещь, несомненно, ценная. Но не всякому придет в голову выражать ее ценность в рублях, выменивать ее за центнеры овса, дибки чая или за борзых щенков. Однако это пришло в голову начальнику Забайкальской сварочной конторы Викентию Семеновичу Бобровичу, и он точно определил стоимость одной характеристики. По его вычислениям, она равна одной газосварочной горелке и

резаку. Вычислив эту стоимость, он обратился на место своей прежней работы — в дирекцию строительства ТЭЦ Ташкентского текстильного комбината — с просьбой о выдаче характеристики именно за эту сходную для него цену. Он написал:

«По получении характеристики вышлю новую газосварочную горелку и резак в память о себе».

Мы не понимаем, зачем Бобровичу нужна характеристика. Своей запиской он себя вполне охарактеризовал.

СОЛОМЕННЫЕ «ШЛЯПЫ»

Халтурных дел мастеру, именуемому себя поэтом, не везло: его нигде не печатали. Поэт был в отчаянии. И вдруг случайно подвернулся заказ на рекламные стихи о сололке. Как утешающий, поэт ухватился за сололку. И состранил стихи:

*«Наша сололка
Изящна и тонка,
Эту сололку
Я знаю.
Соленая к пиву,
Сладкая к чаю».*

Стихи эти украшают целую страницу в № 16 журнала «Декада московских зрелищ».

Как видите, размер и грамотность отнесены поэтом к давно отжившим предрассудкам. Кстати, сололка не тонка, а тонка, чего нельзя сказать про литературную образованность работников рекламного отдела Наркомпищепрома.

ИЗЮМСКИЙ ТЕАТРАЛ

Тонкий и взвскаательный знаток театра работает на изюмском заводе имени Дзержинского (Харьковская область) в должности начальника финансово-сбытового отдела.

Вот какую категорическую бумажку прислал недавно этот просвещенный финансист Харьковскому театру русской драмы:

*«Просим срочно возвратить нам Руб. 500.— переведенных Вам на закупку мест, так как в полученном от Вас репертуаре мы не нашли подходящей постановки.
Нач. Фин. Сбыт. отдела (подпись)».*

Между прочим, в присланном репертуаре было немного-немало, а 18 постановок. Классических и современных. От А. Островского до К. Паустовского. От Н. Вирта до В. Шекспира. Нет, сдастся нам, что репертуар был вполне подходящий, чего никак нельзя сказать об изюмском театрал с неразборчивой подписью.

РЕЖИССЕР-ИСТОРИК

К 150-летию французской буржуазной революции главный режиссер Армавирского театра Н. Д. Ланко-Петровский сделал выдающееся историческое открытие.

Оказывается, Наполеон занял престол еще до 1789 года. Это следует из заметки Ланко-Петровского «К постановке пьесы «Мачеха», напечатанной в № 143 туапсинской газеты «Ударник». Главный режиссер утверждает, что «Мачеха» переносит зрителя «в годы, предшествующие Великой французской революции, после падения Наполеона первого...»

Бедные туапсинцы!

Бумаги на подпись

В одном из рассказов А. П. Чехова герой гордится славой, приобретенной им после того, как его имя появилось в газете, в заметке об уличном происшествии. Будет ли гордиться, подобно чеховскому герою, лица, фамилии коих мы публикуем в связи с некоторыми их сочинениями, не знаем. Но все-таки публикуем.

О ЗДРАВОМ СМЫСЛЕ

Гражданин Б. обратился в издательство Академии наук БССР с просьбой выслать ему одно из изданий, широко рекламируемое издательством в газетах. Ответа на просьбу не последовало. Тогда гражданин Б. послал второе письмо, в котором обещал пожаловаться на невнимание издательства Академии наук БССР в центральные газеты. Вот что ответило издательство:

«...Напоминаем, что применение санкций частных лиц к государственным учреждениям, не связанных договорами, ни здравым смыслом, ни Советской Конституцией не предусмотрены».

Секретарь Изд-ва Сержанович».

ЛОГИКА ПО-МАЙКОПСКИ

В протоколе общего собрания комсомольской организации при коммунальном управлении Майнефти записано:

«ПОСТАНОВИЛИ: 1. Работу комсомола за последнее 2 мес. ослабла, а потому работу комсомола признать удовлетворительной... 2. Работа комсомола, проходила удовлетворительно потому,

что весь состав комитета в работе не принимал участия».

НЕОСТОРОЖНЫЙ ЮРИСКОНСУЛЬТ

Этот документ является исковым заявлением, направленным Ленинградским технологическим институтом имени Молотова в Центральный арбитраж Всесоюзного совета:

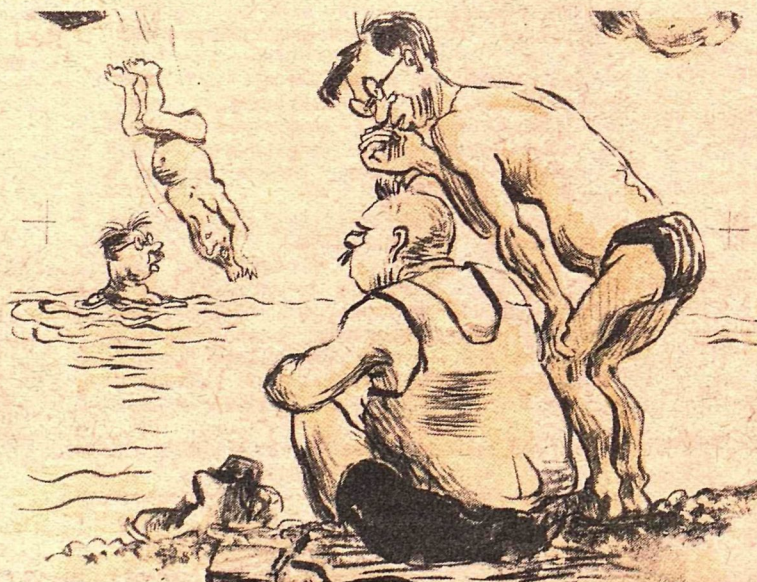
«По настоящей претензии переноска Института с ответчиком в 1937 году была оставлена без ответа со сто-

роны ответчика, и так как к истечению срока исковой давности юриконсульт института неоднократно заболел и, не осведомив администрацию института и заменивших его временно товарищей о задержке им предъявления иска, в марте 1939 г. скончался, то лишь после смерти его администрация института имела возможность выявить, что отсутствие ответа...» и т. д.

Директор Института Сытник».

НЕ ПО РАНГУ

Рис. Анфилова

— Безумец! Он же действует через голову начальства!

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

О последствиях знакомства директора Центральной мастерской контрольно-измерительных приборов Грознефтепереработки Ключкова с отечественной литературой можно судить по следующему письму:

«Директору 1-го Крекинг завода»

Выполняя ваши заказы надеюсь что представленные нами счета вам будут без задержки оплачены в результате оказывается что свашей стороны беспокойств о погашении задолжности 615109 копеечек нет, оно и понятно продукцию вы получили а деньги платить будет А. С. Пушкин».

Директор Ключков».

СЛОВОТВОРЕЦ

Когда у иных ораторов иссякает запас слов, они прибегают к жесту, к мимике. К сожалению, в деловом документе жест употребить нельзя. Но помощник красноярского крайпрокурора Базыкин не теряется: он прибегает к изобретению новых слов, смысл коих остается понятным только автору:

«Красноярский Крайисполком, комната № 17»

При этом направляю устав Канского районного издательства «Власть советов» был запрошен для поименования надобности».

Нач. отд. общего надзора пом. крайпрокурора

Л. Базыкин».

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

У нас в Ногинске нету солидной театральной организации, и потому мы не можем узнать, почему теперь берут за прокат театральной бутафории. А между тем нам, обитателям 6-го Дома советов в Ногинске, приходится платить домоуправлению за прокат ванны в квартире, а ванная не работает и является чистой бутафорией. А берут с нас как за настоящую, действующую ванну. Вот я и хочу узнать, много ли мы переплачиваем.

г. Ногинск. М. СТЕПАНОВ

Дорогой Крокодил!

Не хочешь ли ты выпустить специальный номер, посвященный тому, как у нас в Ново-Айдарском районе (Ворошиловградская область) прелестно благоустраивают районный центр? Можешь не сомневаться: материалу хватит на целый номер. Тут и поломанные деревья, которые ежегодно высаживаются на предмет озеленения, но затем остаются беспризорными. Тут и колодец, который не подает воды. Тут и вырубленная на пространстве больше чем в два га лоза (а она должна защищать город от песка). Тут и баня, которую вот уже много лет не могут достроить, а оборудование для этой бани гибнет. Тут и большие суммы денег, назначенные на благоустройство, которые ежегодно возвращаются за неиспользованием. Тут и весь президиум районного исполнительного комитета: Грузий, Бурдаков, Косенко, Оноприенко и др., которые, по существу, являются героями всего изложенного выше.

Верь мне, дорогой Крокодил: материала хватит и на текст и на рисунки.

М. РИШНЕВИЧ

Уважаемый Крокодил!

Сообщаю о необыкновенном бухгалтере. Определенно, бухгалтер А. А. Мельник легок на подъемные. Но подъемные эти во время курсирования Мельника по городам, весям и рудникам таяким грузом легли на плечи государства. Во время этих скитаний между «Риддером» и «Сихали», мурлыкая после получения очередных подъемных песенку Шуберта

«В движеньи Мельник жизнь ведет,

В движеньи!», он выработал свои требования к жизни.

И, когда выработал, немедленно предъявил эти требования отделу кадров «Алтайполиметалла»:

— Квартуру из двух комнат с кухней! Со всеми коммунальными услугами. И за ваш счет!

— Полторы тысячи рублей в месяц, и ни копейки меньше! И учтите 2-процентные надбавки!

Подъемные в двойном размере! И проезд в мягком вагоне трех человек семьи. И доплата до 100% заработной платы в случае временной нетрудоспособности. И даже провоз багажа за счет предприятия.

А. Мельник согласен на этих условиях послужить 2 года, после чего предприятие обязано: его вместе с семьей и багажом доставить непосредственно... в Сочи.

Вот каков этот Мельник!

В. ТУМАНЕВИЧ,

начальник отдела кадров всесоюзного объединения «Алтайполиметалл».

Усть-Каменогорск, Восточный Казахстан.

Дорогой Крокодил!

Много чудес я вижу на длинном, жарком и пыльном пути из Москвы в Ашхабад, но такое встречаю впервые. «Красная Бухара» — газета Бухарского обкома КП(б) Узбекистана — в августе 1939 года, не смущаясь, заявляет, что она и до сих пор является органом... «Оргкомитета ЦИК'а УзССР по Бухарской области».

В июне трудящиеся Узбекистана отметили первую годовщину со дня всенародного избрания Верховного Совета республики. Уже больше года существует Оргкомитет Верховного Совета УзССР по Бухарской области... Только врид ответредактора «Красной Бухары» Д. Захарченко и поныне остается в неведении на сей счет.

Жаль, что Д. Захарченко не принимал участия в выборах. Жаль, что сотрудники «Красной Бухары» так плотно закупились в своих скорлупках, что и не подозревают

о существовании Верховного Совета УзССР... А может быть, дорогой Крокодил, они попросту не читают своей газеты?

В. ИОРДАНСКИЙ

Москва — Ашхабад, скорый № 8.

Уважаемый Крокодил!

Хочу через тебя сообщить отделу газетных вырезок «Мосгорсправки» Моссовета, что наше учреждение — сугубо гражданская организация и к Военно-Морскому Флоту имеет отношение лишь постольку, поскольку славные краснофлотцы твердо и нерушимо охраняют наш мирный труд. И что популярная песенка «Мы на лодочке катались, золотистый, золотой» также никак не имеет касательства к работе Гипрозола.

Предупреждение это будет, думаю, своевременным. Мы подписались на газетные вырезки по теме «Золото-платиновая промышленность». Прислал нам отдел газетных вырезок заметку из «Известий» о программе празднования Военно-Морского Флота? Прислал! Почему прислал? Да потому, что в заметке оказалось сообщение о плакате на тему «Комсомол — славный шеф и золотой фонд Военно-Морского Флота».

Если так дальше пойдет, то статья о «Медном всаднике» отдел газетных вырезок пошлет в Гипроцветмет, а стихи Пушкина «Во глубине сибирских руд» адресует всем многочисленным рудоуправлениям Союза. Чем чорт не шутит!

Н. ПРОСКУРИН,

инженер Гипрозола

Москва.

ЗНАКОМАЯ ФОРМУЛА

Рис. Анфилова

Заседание кончилось. Было вынесено много резолюций.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 80 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Рукописи не возвращаются

Москва. Изд. № 909

Слава текста и рисунков 19/VIII 1939 г.

Подп. к печати 4/IX 1939 г.

Статформат 72×103 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № А—16874. Типография газ. „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 2771. Тираж 275 000 экз.

ОБЪЕД. ЭКЗЕМПЛЯРЫ

13 ЯН. 1952
Рис. Ю. Гафя

Бесс. №.

В СЕМЬЕ РЕДАКТОРА «ДЕЙЛИ ГЕРАЛЬД»

— Дети, не смейте врать! Папа хочет хотя бы дома отдохнуть от лжи.

Журн. «Лет»	14/15	Сдан в архив
Лет	14/15	в р.т.
Период	14/15	

10139